

Сварстад сидел в гостиной, как обычно молча и прищурившись, когда зазвонил телефон. Во вторник 13 ноября 1928 года он был в Бьеркебеке и стал, таким образом, первым человеком после самой Сигрид Унсет, который узнал о том, что она получила Нобелевскую премию по литературе. Тогда бывший муж наконец произнес:

– В доме есть шерри?

Прошло совсем немного времени, и в доме появился не только шерри; потоком шли поздравления, и охапками дарились букеты. Что думала сама Сигрид Унсет? Как быть с новыми обязанностями доминиканки и идеалом бедности? Сумма была головокружительной – 156 000 крон. Думала ли писательница, что может просто отдать деньги нуждающимся и близким? Как только Сигрид Унсет поблагодарила Господа за награду, она написала Йосте аф Гейерстаму: теперь она могла осуществить свои планы об учреждении фонда в помощь родителям детей-инвалидов. Но признание было лучше всего. Только две женщины получили Нобелевскую премию до нее – шведка Сельма Лагерлёф и итальянка Грация Деледда, и только Редьярд Киплинг был моложе ее, когда получил премию. В свои сорок шесть лет Сигрид Унсет стала лауреатом самой главной литературной премии в мире. От ее американского издателя пришла ликующая телеграмма практически одновременно с телеграммой от Вильяма Ньюгора.

Репортерам «Норвежского телеграфного бюро» сложно было из нее что-то вытянуть.

– Скажите, что я приятно удивлена, – говорила Унсет, тут же чувствуя, как ее охватывает страх перед интервью. Она придумывала отговорки, например, что ей надо уложить детей. Поскольку Унсет избегала журналистов, те быстро разыскали и расспросили ее родственников, даже в Дании. В «Афтенпостен» было напечатано интервью ее матери. Шарлотта Унсет изложила свою точку зрения на творчество дочери: она всегда чувствовала себя чужой в современных романах Сигрид Унсет, но, напротив, как дома в средневековых романах. На вопрос, разве она не счастлива и не горда за дочь, она ответила: «Ну да, только мой опыт подсказывает, что никто ничего в этой жизни просто так не *получает*. Жизнь не сказка. И когда *получаешь* что-то, приходится всегда платить за это»⁴⁵³.

Многое изменилось в жизни Сигрид Унсет с тех пор, как она закончила свою самую первую рукопись. Тогда она снялась в толь-

ко что купленной шляпке. В молодости она любила наряжаться, делать прически, менять шляпки и банты, вертеться перед зеркалом, фотографироваться. Сейчас фотографии ей не нравятся, впрочем, как и интервью. Но писательнице пришлось отправиться к фотографу. Издательства требовали новых фотографий. Пока они обходились фотопортретом, сделанным Оге Ремфельдтом в том же году. С задумчивым выражением лица, подперев подбородок рукой, нобелевская лауреатка отправилась в путешествие по миру. Скоро ее сфотографируют в новой шляпке и меховой шубке. А потом она потеряет счет фотографиям. Но ни на одной фотографии нет и тени ликования, ни тени улыбки на лице серьезной и неуклюжей лауреатки.

Эта новая действительность потребовала приобретения входного звонка и благодарственных карточек. Адвокат Эйлиф Му взял на себя большую часть работы и распределение средств на благотворительность. Сразу же был учрежден «Фонд Марен Шарлотты Унсет Сварстад» в помощь родителям, желающим содержать детей-инвалидов дома. Крупная сумма отправилась в фонд поддержки писателей, а потом Унсет учредила фонд, средства из которого шли на обучение детей из необеспеченных семей в католических школах.

В декабре Сигрид Унсет пришлось забыть о своей нелюбви к многолюдным собраниям, нарушить свое обещание никогда больше не выступать с докладами и терпеть суету вокруг своей персоны. А ведь с незнакомыми людьми она всегда чувствовала себя скованно. Сначала ее пригласили в качестве почетного гостя на тридцатипятилетие Союза писателей Норвегии, в зал Роккоко «Гранд-отеля» в Осло, где, кроме прочих, премьер-министр Мувинкель и председатель стуртинга К. Ю. Хамбру оказывали ей всякие почести. Возможно, Унсет немного оттаяла после слов своей старой подруги Нини Ролл Анкер, с которой она поссорилась несколько лет назад. Теперь Нини, сама лидер по натуре, в своей речи назвала Сигрид Унсет национальным героем, прославившим свою родину.

Когда писательница вставала на защиту своих идеалов, она забывала про свое глубочайшее нежелание быть объектом всеобщего внимания. Тогда она могла так же упиваться битвой, как и Улав, когда он заносил секиру Эттарфюльгья для удара. Очередной бой Сигрид Унсет дала в актовом зале Университета Осло 8 декабря, где выступила с докладом по приглашению

Студенческого общества. По ее мнению, в качестве прелюдии к торжествам в Стокгольме великолепно подходила тема былых горячих дискуссий: смена веры в Норвегии. Пора было раз и навсегда поставить Марту Стейнsvик и ее сторонников на место. Этой осенью она уже выступила в газетах с критикой церковного сословия. «Война за Господа в наши дни имеет много общего с другими партизанскими войнами: она увлекательна и интересна, а кроме того, она всерьез!»⁴⁵⁴ Обмен мнениями с пастором Эйнарсом Эдвином продолжался весь ноябрь, и, кроме прочего, речь шла о взглядах на целибат. Пастор считал, что ей следовало бы подождать с теологическими выпадами и лучше перечитать Новый Завет перед тем, как высказываться. Но пастор Эдвин испытал и то, что уже знали многие другие: невозможно было заставить Сигрид Унсет отступить, указав на недостаточность ее знаний. Напротив, она расценивала это как приглашение показать всю их глубину, которую она и продемонстрировала в своем почти двухчасовом докладе, правда, не лишенном полемических высказываний. Однако в более сдержанной форме, чем в статьях. И в этот раз нобелевского лауреата прославляли все газеты, несмотря на то что, по их мнению, доклад был слишком «духовным», чтобы его можно было кратко пересказать. Речь перво-наперво шла о распространении католицизма в Норвегии и в меньшей степени о неудачах Лютера и Реформации, о чем она так много говорила раньше.

Сигрид Унсет утверждала, что, будучи католичкой, лучше могла читать между строк тексты Snорри или Одда Мунка, чем историки, незнакомые с католической церковью. Она признавала, что, прежде чем сама стала католичкой, толковала народные песни неправильно.

В своем докладе Сигрид Унсет дала публике понять, какой путь ей пришлось пройти, указала своих наставников и то, в какого именно Христа она верила: в того, у которого в руках меч. В Христа, что был рыцарем, спасавшим сбившихся с истинного пути. Такие убеждения легли в основу ее истории о Кристин и изображения борьбы между старыми и новыми взглядами как внутренней борьбы в самом человеке в «Улаве, сыне Аудуна». Она подвергла критике такие модные идеи, как, например, чистоту расы. Они ведут только к кровавым конфликтам, полагала она. Речь давалась ей сложно, и в этот раз она должна была терпеть замечания, что ее голос лучше подходит для небольших

собраний; на просьбы говорить громче она отвечала ледяным взглядом. А несколькими днями позже ей предстояло вновь подняться на трибуну, чтобы держать благодарственную речь за Нобелевскую премию в Стокгольме.

Сигрид Унсет признавала, что ей проще было писать, нежели говорить, и что самым сложным для нее было говорить о самой себе. Она передала привет Швеции от председателя стуртинга и всех своих коллег-писателей, с которыми она отпраздновала получение премии:

— У нас общие реки и леса, наши дома походят друг на друга. Нам повезло, что больших городов у нас немного и мы живем близко к природе. Но из всех городов самым красивым норвежцы считают Стокгольм, — сказала Сигрид Унсет своим невнятным голосом. Короткая речь, которая тем не менее произвела на собравшихся впечатление⁴⁵⁵.

Большинством на церемонии вручения были мужчины. В новом шелковом платье с миниатюрным орденом Святого Улава на груди, Сигрид Унсет восседала среди них, как королева. Старая подруга по переписке Дея не приехала, несмотря на то что Сигрид отправила ей приглашение еще в ноябре. Она еще раз извинилась перед подругой за то, что, когда Дея неожиданно приехала в Лиллехаммер, она была в отъезде. Но все же это важное событие ее жизни прошло без участия подруги. Сестра Рагнхильд, с которой у Сигрид Унсет не было доверительных отношений, и Му были единственными представителями семьи и близких, когда король Густав вручал ей литературную премию.

«Мой отец родом из Эстердала» — так писательница начала краткую автобиографию, изданную по случаю получения Нобелевской премии. Она просто рассказала о своих корнях, о прадедах, о рано оборвавшейся карьере отца. Когда ее отдали в школу Рагны Нильсен, все думали, что она продолжит его дело.

«Школа была очень важна для моего становления как личности — там зародилось мое недоверие к радостям прогресса и программам развития. Так случилось не потому, что я не любила фру Нильсен или не понимала того, насколько она была умна и искренна. Просто ее идеи вызывали у меня безграничный скептицизм». Она вспоминает, как фру Нильсен воспринимала отсутствие интереса к занятиям. Фактически большую часть своего повествования Сигрид Унсет посвящает школьным годам.

Она также рассказывает о плюсах торгового училища: там от нее не ожидали, что какие-то предметы будут ей нравиться. Работала она хорошо, но работа ей совсем не нравилась. Она была как свернувшийся еж: своенравная девочка, которая не хотела идти по стопам своего отца. И ни слова о том, за что, собственно говоря, она получила Нобелевскую премию. Как сказал профессор Йоста Форссель на церемонии вручения, ее исторические произведения – «Илиада» Севера. Сама же писательница просто ограничилась перечислением названий и годов издания своих книг. Рассказ о ее взрослой жизни еще более немногословен: «В 1912 году в Бельгии я вышла замуж за норвежского художника А. К. Сварстада. Когда в 1924 году была принята в лоно Католической церкви, брак пришлось расторгнуть, поскольку Сварстад ранее развелся с женщиной, которая была по-прежнему жива. У нас трое детей. С 1919 года я живу в Лиллехаммере».

В качестве девиза она приводила слова Святого Августина, обращенные к лидеру еретиков Донатусу: «*Securus judicat orbis terrarum*»*. Свою страсть и силу, и в жизни, и в творчестве, она определила словами Святого Фомы: «*Nihil est in intellectu quod non prius fuerit in sensu*»^{456**}. Такой ключ к своей жизни и творчеству она дала своим читателям. Однако всех, несомненно, заинтересовало, что в краткой автобиографии, написанной по столь торжественному поводу, она сделала упор на неудачах в школьные годы и тяготах работы в конторе.

Может быть, Сигрид Унсет по-прежнему отождествляла себя с секретаршами, с которыми проработала более десяти лет? Может быть, она по-прежнему думала, как когда-то давно: «Я из тех женщин, что одиноки, несчастны и вынуждены украдкой добывать себе счастье»? Так она писала Нини Ролл Анкер из Лондона в 1912 году после бракосочетания с Андерсом Сварстадом. Чувствовала ли она себя так и последние восемь лет, с головой окунувшись в Средневековье и католическую веру? Во всяком случае, Унсет не отступилась от своих взглядов на женский вопрос, что подтверждает и ее американский издатель: «Она считает, что женщины сейчас в более рабском положении, работая в конторах, магазинах и чайных, чем они были во времена Средневековья, живя и работая в собственных домах»⁴⁵⁷.

* Мир прав, когда судит беспристрастно (*лат.*).

** Нет ничего в разуме, чего не было бы раньше в чувствах (*лат.*).

Сигрид Унсет удивила элегантную публику, присутствовавшую на Нобелевской церемонии, и журналистов, выпытывающих ее мнение. Что же ей особенно не нравилось в ее работе в конторе?

— Являться по первому вызову чужого господина — это не по мне, — резко, как могла отвечать журналистам только Сигрид Унсет, проговорила она. И добавила: — Женщинам нужно не равноправие, а защита.

В беседах со шведскими журналистами писательница с удовольствием высказывала взгляды, которые, как ей, видимо, казалось, должны разозлить шведок — борцов за равноправие женщин. Она утверждала, что вести домашнее хозяйство — приятная обязанность, а норвежские писательницы — хорошие хозяйки и любят готовить. Откровенной ложью это, конечно, не было, если подумать о самой Унсет или о Нини Ролл Анкер и забыть о домработницах. О своих творческих планах Сигрид Унсет говорила, что сейчас целиком и полностью занята переводами, но у нее готовы планы трех исторических романов — так что дел хватает.

Видимо, ее забавляли и такие заголовки норвежских газет, как «Для Лиллехаммера она в первую очередь домохозяйка и мать»⁴⁵⁸. Это разнило ее с предыдущим лауреатом Нобелевской премии, жившим в тех местах. Величественного и статного Бьёрнстjerne Бьёрсона тоже можно было встретить на улицах Лиллехаммера. Но, в отличие от него, Сигрид Унсет выглядела как обычная домохозяйка: она ходила за покупками, держа за руку ребенка. В той же статье написано то, что ей, наверное, казалось правдивее остального: «В сущности, Сигрид Унсет и Лиллехаммер не знают друг друга».

О чем думала лауреатка премии этой праздничной ночью, когда вместо того, чтобы идти спать, смотрела на ночное небо Стокгольма? Этот день она хотела разделить с человеком, который был с ней с самого начала — с самой первой литературной попытки. Подруга по переписке Дея, как никто другой, знала о пережитых страданиях, мыслях о самоубийстве, упорной внутренней борьбе с искушениями, стремлении к независимости. Она лучше всех знала о ранимости и суровости Сигрид, о ее страстном желании творить. «По сути, каждое наше письмо было выяснением отношений с самой собой», — сказала она как-то об их когда-то активной переписке⁴⁵⁹.

Но Дея не приехала.

Унсет решила написать Нильсу Коллетту Фогту. Он вошел в ее жизнь как искренний друг, когда она еще только пробовала свое перо. Сейчас она достигла того, ради чего решила бороться, она — звезда, награжденная высшей литературной премией. Но почему она не чувствовала себя победительницей? Своему коллеге она не раз писала об ощущении родства с рабочим классом — «потому что я с двенадцати лет жила в рабочем квартале, играла с их детьми»⁴⁶⁰ — и с бедными женщинами в «голубых передниках», труженицами многочисленных контор, единственным выходом для которых было отдаться «пузатому начальнику». Но она решила идти собственным путем и победила⁴⁶¹. И все же в ее письме не ощущалось торжества победы. Неужели там, под звездами Стокгольма, Унсет по-прежнему чувствовала себя «одиноким несчастной женщиной»?

Одна. Наедине со своим пером — была ли это победа? Она скомкала письмо и выбросила его.